Глава 13. Дальний Восток: Корея и Япония

Влияние китайской цивилизации и государственности на соседние страны и народы всегда было весьма ощутимым. Оно, в частности, стимулировало ускорение социального, экономического и особенно политического развития близких соседей Китая на протяжении всей его истории, будь то древние кочевники сюнну (гунны) или сяньби, средневековые кидани, чжурчжэни, монголы или маньчжуры. Но оно затрагивало отнюдь не только кочевников, тем более оказывавшихся в орбите его непосредственного воздействия. Это влияние было много значительней. Через Наньчжао оно достигало тайцев, и тибео-бирманских племен, а во Вьетнаме оно просто задавало тон, определяло внутреннюю организацию государства и общества.

Корея и Япония во многом близки в этом смысле к Вьетнаму. Речь отнюдь не только о заимствовании чужой, пусть даже более высокой культуры, хотя играло свою роль и это. Имеется в виду нечто иное: близость высокоразвитой цивилизации неизбежно оказывала свое воздействие и прямо, и косвенно, причем особенно большую роль такое воздействие играло в те ранние периоды истории той или иной страны, когда определялись основные параметры существования данного общества и государства. Нечто похожее только что было продемонстрировано на примере индо-буддийского влияния в странах Юго-Восточной Азии. Для находившихся в зоне воздействия китайской цивилизации Кореи и Японии влияние такого рода было совершенно очевидным, само собой разумеющимся. Вопрос лишь в том, какую роль оно сыграло в процессе становления обеих стран.

Формирование государственности в Корее
Корея в позднем средневековье (династия Ли)
Япония до сёгунов (до XII в.)
Япония при сёгунах (XII-XIX вв.)

Формирование государственности в Корее

На Корейском полуострове южнее реки Амноккан (Ялуцзян) в начале нашей эры существовало несколько племен, наиболее сильными среди которых были северные, протокорейские (когурё). В III–IV вв. на полуострове возникло три племенных протогосударства – Когурё, Пэкче и Силла – с типичной для подобных образований внутренней организацией (верховная власть-собственность вождя-вана; родовая знать, воины и чиновники; плативщие ренту-налог в казну общинники). Органы управления и

иерархия чинов, равно как и формы редистрибуции (должностные владения), развивались под воздействием соответствующих китайских институтов, причем проводником этого влияния было конфуцианство, ставшее основной идейной доктриной всех трех государственных образований, быстро эволюционировавших с его помощью в своем внутреннем развитии. С конца IV в. в Корею из Китая проник буддизм в его китаизированной махаянистской модификации, причем влияние его здесь оказалось более сильным по сравнению с той ролью, которую он играл в Китае не только в период Нань-бэй чао, но и вообще когда-либо.

Процесс заимствования идей и институтов из Китая шел на фоне активных междоусобиц периода Нань-бэй чао, и это в немалой степени помогло Корее не только сохранить независимость, но и успеть в этом качестве укрепиться – в отличие от того, что имело место во Вьетнаме, где этот процесс начался раньше, в эпоху централизованных империй Цинь и Хань, и потому протекал в иных условиях более зависимого развития. Правда, внутренние войны ослабляли все три государства. Однако после того, как в результате этих войн были сильно ослаблены сначала Пэкче, а затем и Когурё, а походы суйского Ян-ди против Когурё закончились неудачей и привели к гибели династию Суй, государство Силла оказалось в выигрыше. С помощью танских войск Силла одолела своих соперников и во второй половине VII в. практически объединила всю Корею под своей властью, признав себя формально вассалом танского Китая.

По танскому образцу в объединенном корейском государстве были реорганизованы система администрации и налогообложения. Вся страна была разделена на девять провинций (по три в каждом из бывших государств), подразделявшихся на округа и уезды. В округах и уездах управляли назначенные из центра чиновники, получавшие свои должности после успешной сдачи экзаменов. В земледелии господствовала надельная система, т. е. каждый двор получал землю от государства на период трудоспособности его хозяина, за что этот последний был обязан платить налог и исполнять необходимые повинности. Чиновники получали должностные земли, аристократы – наследственные с учетом ранга и снижения его уровня в каждом последующем поколении. Городское население, ремесленники и купцы, находились в полной зависимости от представителей власти и требований казны.

Неудивительно, что в созданной по китайскому образцу системе внутренней организации государства и общества происходили аналогичные процессы, ведшие практически к таким же результатам. В частности, речь идет о циклическом характере развития с экономическими кризисами, ослаблением центра и восстаниями крестьян. Одно из таких восстаний на рубеже IX – X вв. привело к падению династии Силла и к захвату власти представителями дома Когурё. Основатель новой династии Ван Гон силой подчинил себе всю Корею и немало сделал для еще большего укрепления ее централизованной структуры. Придя к власти опять-таки в удачный для страны период ослабления китайской танской империи, Ван Гон многое сделал для того, чтобы сохранить независимость от натиска тех, кто нападал на сунский Китай, – киданей, чжурчжэней. Он провел несколько важных реформ. В частности, идеологически переместил акценты, сделав официальной государственной религией буддизм – при всем том, что влияние конфуцианства, его идей и институтов не только сохранялось, но и высоко ценилось как основа администрации, образа жизни, основа культуры с ее китайской иероглифической письменностью.

Структура Корё, как стало именоваться теперь государство (именно от этого названия возникли его эквиваленты в европейских языках, включая и русский), в принципе не изменилась. Правда, вместо девяти провинций их стало шесть, потом десять, но все с тем же делением на округа и уезды. Продолжала сохраняться и надельная система с налогами и повинностями общинников, со спорадическими перераспределениями наделов. Центральная администрация имела шесть основных ведомств по китайскому танскому образцу. Чиновники получали служебные должностные наделы и делились на гражданских и военных. Армию набирали на рекрутской основе (4 – 5 дворов выставляли одного солдата, экипировавшегося за счет тех дворов, которые солдата не давали). Существовала система централизованного регулирования экономики, включая государственное кредитование крестьян и амбары для помощи в случае неурожаев. Большое место в системе аграрных отношений занимало буддийское монастырское землевладение. Существовало и типично китайское сословное деление на полноправных крестьян-налогоплательщиков – янин (сюда включались и платившие налоги городские слои) и неполноправных, чхонин, которые имущества не имели, налогов не платили, занимались грязными и презираемыми профессиями, хотя подчас использовались и в качестве наемников либо зависимых арендаторов. Обрабатывая земли чиновников, аристократов и иных землевладельцев, чхонин обычно безжалостно эксплуатировались.

Следует сказать, что правители Корё прилагали немало усилий для того, чтобы сохранять общую стабильность структуры. В 976 г. с этой целью был составлен общегосударственный земельный кадастр и введен строгий контроль за использованием земли – мера, весьма необходимая при существовании надельной системы. Однако, несмотря на это, в Корее, как и в Китае, шел процесс укрупнения землевладения, постепенного присвоения служебных и иных казенных земель. Временами возникали крупные полуавтономные уделы влиятельной наследственной знати. Во всех этих случаях центральная власть соответственно ослабевала, возникали кризисные явления, социально-политическая нестабильность. С особой силой это проявилось в XII в., когда крестьянские восстания наслаивались на мятежи знати, власть правителя-вана была ограничена или даже сведена на нет очередной военно-феодальной кликой из того или иного знатного дома. В начале XIII в. над страной нависла угроза монгольского нашествия.

Здесь следует заметить, что веками складывавшаяся внутренняя устойчивость и практика независимого существования страны, пусть даже подчас при формальном сюзеренитете Китая, вели к энергичному сопротивлению любой попытке попрать независимость. Это проявилось в VII в., когда Ян-ди потерпел поражение. Это же повторилось в XI в., когда не увенчалась успехом попытка киданьской империи Ляо завоевать Корею. Конечно, теперь ситуация была сложнее. Монголы были очень грозным противником, а Корея, как только что упоминалось, была ослаблена внутренними распрями. Несмотря на это борьба с монголами растянулась на долгие десятилетия (1231–1258), причем только междоусобные распри и апелляция части знати к монголам с просьбами устранить соперников привели в конечном счете к капитуляции, хотя и после этого в Корее одно за другим продолжали вспыхивать антимонгольские движения.

Монгольское иго длилось несколько десятилетий, на протяжении которых Корея была превращена в плацдарм для монгольского вторжения в Японию. С ослаблением власти

монголов в Китае и особенно после начала там мощного антимонгольского движения под эгидой будущих правителей династии Мин в Корее произошел раскол на сторонников как монгольской (юаньский), так и минской династии, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Сторонники новой минской династии, во главе которых стал сам ван Конмин (1352–1374), уже в 1356 г. сумели изгнать остатки монгольских войск с территории страны. И хотя их промонгольские противники не сложили оружия, а в 1374 г. сумели даже убить Конмина, это им не помогло. Патриотически настроенные группировки в начале 80-х годов, когда победившая династия Мин в Китае могла оказать им помощь, выступили против промонгольской клики. Генерал Ли Сон Ге во главе армии в 1388 г. вошел в столицу и заставил правительство капитулировать. В 1392 г. он же совершил государственный переворот и провозгласил себя основателем новой династии Ли, правившей до 1910 г.

Корея в позднем средневековье (династия Ли)

Новая династия быстрыми энергичными мерами покончила с существованием в стране мятежных феодальных клик, подорвав их экономическую основу: все земельные владения знати, равно как и ее привилегии, указом 1391 г. были отменены. Вся земля страны поступала в распоряжение центрального правительства и передавалась в пользование крестьянам. Чиновники получали право на ренту-налог со служебного надела в соответствии с рангом и должностью. Был создан по китайскому образцу институт цензоров-инспекторов, следивших за порядком в администрации. Системе экзаменов было придано большое значение, а военные чиновники поставлены, как и в Китае, ниже гражданских. Страна получила новое название – Чосон, а столицей ее стал Сеул. Внешнеполитический статус Чосона был урегулирован в ходе специальных переговоров с минским Китаем: Корея получала автономию в обмен на признание сюзеренитета Китая. И наконец, официальной государственной идеологией вновь стало конфуцианство – на сей раз в его неоконфуцианской чжусианской модификации, тогда как буддизм этот официальный статус утратил.

Конечно, все эти нововведения, утвержденные в XV в. несколькими новыми административными указами, значительно укрепили власть центра и легли в основу той стабильности, которая позволила династии сохранять свою власть на протяжении пяти

с лишним веков. Можно сказать, что XV век был временем удачи для Кореи как государства. Реформы династии Ли оказались эффективными, страна получила желанную стабильность. Это оказалось особенно существенным: когда в XVI в. наступила година тяжелых испытаний, корейцы сумели с честью их выдержать.

Как и в минском Китае, в Корее XVI век прошел под знаком ожесточенной борьбы влиятельных группировок – конфуцианских ученых и придворных временщиков, в основном из числа родни вана и высшей знати. Соперничество сопровождалось казнями, дворцовыми переворотами. К концу века в стране возникли даже устойчивые политические группировки типа партий, обозначавшие себя по странам света (Западная, Восточная и др.). Вся эта внутренняя борьба во многом свела на нет успехи XV в. И вот в это-то тяжелое для страны время она оказалась объектом чужеземного вторжения.

Южное побережье Кореи вот уже на протяжении ряда веков страдало от набегов японских пиратов. На попытки протестовать влиятельный сёгун Т. Хидэёси ответил требованием смириться и платить ему дань. Когда это требование было отклонено, Хидэёси в 1592 г. отправил в Пусан 200-тысячную армию, которая через несколько недель сумела занять Сеул и Пхеньян, сопровождая свой победный марш по Корее неслыханными зверствами. В ответ на это в стране вновь развернулась народная война, во главе которой стал командующий корейским флотом Ли Сун Син. Разгромив японский флот, Ли Сун Син стал господствовать на море, что сильно подорвало устойчивость японского экспедиционного корпуса. Сыграла свою роль и помощь со стороны минского Китая. Вскоре Сеул и Пхеньян были освобождены и начались переговоры, в ходе которых придворная группировка корейской знати сделала все для того, чтобы оклеветать ставшего для нее слишком опасным популярного Ли Сун Сина. Ли был разжалован. Но это сразу же привело корейский флот к поражению, вследствие чего в 1597 г. Ли вновь назначили главнокомандующим. Война в конечном счете завершилась изгнанием японцев, хотя корейскому народу она обошлась очень дорого.

Победа не привела к заметному укреплению власти центра. С еще большей силой разгорелась междоусобная борьба, в ходе которой наибольшим влиянием пользовались Северная, а затем Западная партии-клики. А тем временем на севере Кореи консолидировалось молодое энергичное государство маньчжуров. Попытки корейцев поддержать минский Китай в его противоборстве с маньчжурами в 1618 г. привели к первому столкновению с маньчжурской конницей. А после вторжения маньчжуров в 1627 г. и 1636 г. Корея была вынуждена уступить: по договору 1637 г. она признала себя вассалом империи Цин, еще тогда не завоевавшей Китай. Позже этот вассалитет был подтвержден, причем внешние сношения Корея могла иметь только через Китай (следствием этого было закрытие корейских портов для иностранцев и запрет населению страны покидать ее пределы). Исключение делалось только для строго ограниченной торговли с Японией.

В XVII–XVIII вв. в Корее протекали сложные и противоречивые процессы. Совершенствовалась аграрная система и система налогов. В 1608 г. был введен единый рисовый налог тэдонми, что, впрочем, не исключало существования некоторых дополнительных поборов. Росло частное землевладение, для противодействия которому (и для предотвращения разорения крестьян) правительство усилило значение государственного кредитования (система “возвратного зерна”, хвангок). Ухудшение

положения крестьян вело к восстаниям. Назревала необходимость более серьезных реформ.

Реформы короля Ёнчжо в середине XVIII в. привели к облегчению налога с крестьян некоторых категорий и к повышению статуса неполноправных. Эти реформы проводились уже на фоне новых политических движений, которые были ориентированы на отказ от традиционных конфуцианских норм и заимствование новых европейских идей. Больших результатов реформы, впрочем, не дали. На рубеже XVIII–XIX вв. кризисные явления в экономике вновь проявились, причем на сей раз затронули и города. В первой половине XIX в. произошли новые восстания крестьян и горожан, а в середине этого века количество таких восстаний уже исчислялось десятками. Новая серия реформ регента Тэвонгуна в 60-х годах XIX в. являла собой попытку снять напряжение в стране путем отдельных уступок, но их результатом было обострение политической борьбы в верхах, причем в центре ее стоял вопрос будущего страны: продолжать политику изоляции или открыть Корею для внешнего мира. Давление держав на Корею с требованием открыть ее порты для торговли и использование при этом в качестве посредника Японии в конечном счете привели к желаемому для колониального капитала результату: на рубеже 80-х годов XIX в. Корея оказалась связанной серией неравноправных договоров, которые открыли страну для иностранцев и предоставили им немалые привилегии. Начался процесс превращения страны в полуколонию.

Япония до сёгунов (до XII в.)

Заселение островов Японии уходит далеко в глубь тысячелетий, причем здесь, как и во всем островном мире Южной Азии, одни расово-этнические группы на протяжении тысячелетий наслаивались на другие, смешиваясь с ними либо оттесняя их. На основе смешения монголоидных маньчжуро-тунгусских племен с палеоазиатским малайскими сложилось на рубеже нашей эры ядро собственно японцев, одна из групп которых, Ямато, в III–V вв. сумела подчинить себе остальные, заложив фундамент первого на островах государства. Возможно, при этом сыграло свою роль влияние со стороны Китая с его к тому времени уже весьма развитой государственностью. Во всяком случае известно, что уже в III в. в Японии было немало мигрантов из Китая и Кореи, причем

часть их со временем включена в сословие неполноправных (бэ, бэмин). Известно также, что в китайских источниках можно найти упоминания о связях с Японией, о присылке подарков от племенных вождей с островов.

Внутренняя структура раннеяпонского государства была типичной: во главе стоял вождь-правитель, его окружала родовая знать, занимавшая ключевые административные посты, включая управление областями и округами, на которые уже тогда была поделена страна. Основную массу населения составляли платившие ренту-налог в казну крестьяне. Кроме них были неполноправные бэ и рабы, в основном из числа иноплеменников. Эта категория людей находилась в собственности государства либо была под началом знати.

С VI в. китайское влияние на островах стало ощущаться сильнее. Сначала это влияние шло вместе с буддизмом, распространившимся в Японии из Китая через Корею и впитавшим в себя многое из традиционной китайской культуры. Чуть позже, особенно после сложения централизованной империи Суй и затем Тан, сильным стал поток конфуцианского влияния. Когда в конце VI в. к власти в Японии пришел принц Сётоку-тайси, им были созданы знаменитые 17 статей (“Закон из 17 статей”, 604 г.), в которых были сформулированы основанные на конфуцианстве и буддизме принципы существования и управления, в том числе главный из них – принцип высшего суверенитета правителя и строгого подчинения младших старшему. Сетоку щедро приглашал в Японию китайских и корейских монахов и ремесленников, а также посылал молодых японцев учиться в Корею и Китай.

Однако, несмотря на активное заимствование китайской модели организации общества и государства, правители Японии не были еще готовы создать стабильную и сильную централизованную систему администрации. Восходившее к недавнему родоплеменному прошлому японское общество раздиралось междоусобицами, причем все большим влиянием в нем начинали пользоваться знатные аристократические дома, среди которых выделялся дом Сога. В середине VII в. противники Сога во главе с принцами правящего рода выступили против этого влиятельного дома и сумели уничтожить его. В результате происшедшего в связи с этим переворота (“переворот Тайка”, 645 г.) реальным правителем страны оказался принц Кару, который и принял титул тэнно (“сын Неба”). Правой рукой правителя стали представители дома Фудзивара, помогавшие ему свергнуть Сога.

Реформы, последовавшие за переворотом, были призваны решительно реорганизовать по китайской модели всю страну, начиная от роли в администрации централизованного начала и кончая аграрными отношениями. Был создан аппарат власти с соответствующими департаментами (восемь ведомств), а на местах – провинции и уезды во главе с губернаторами и уездными начальниками. Население стало подразделяться на плативших налоги полноправных (рёмин) и неполноправных (сэммин). Полноправные крестьяне получали подлежавшие переделу раз в шесть лет государственные наделы, за что они были обязаны платить ренту-налог зерном и тканями, а также отбывать повинности. Чиновники имели служебные должностные наделы, размер которых колебался в зависимости от должности и ранга. Часть влиятельных людей получила наделы в пожизненное пользование, иногда с правом передачи их по наследству на протяжении одного – трех поколений, редко больше. На рабов тоже предоставлялись наделы (треть надела крестьянина), тогда как неполноправные бэ были повышены в статусе и оказались практически полноправными, причем часть их, потомки выходцев из

Китая и Кореи, имевшие образование, превратилась в чиновников. Само собой, вся деловая и прочая документация велась китайскими иероглифами.

Реформы Тайка, дополненные в 701 г. специальным кодексом Тайхорё, заложили основы японской социальной и политической структуры. Они же создали фундамент для расцвета японской культуры периода Нара (VIII в.), когда по образцу танской столицы Чанани была богато отстроена столица Японии Нара с ее многочисленными дворцами, проспектами, храмами, монастырями и т. п. Древняя религия японцев синто ("путь духов"), в значительной мере обогащенная за счет китайского даосизма, сумела найти модус вивенди с буддизмом в рамках так называемого рёбу-синто. Все это, вместе взятое, дало сильный толчок развитию древнеяпонской литературы, мифологии, а также нелегкому делу составления хроник, географических описаний и т. п.

Словом, японцы быстрыми темпами преодолевали свое отставание от великого соседа, заимствуя все, что только можно. Однако при этом сохранялось и то, что заметно отличало Японию как от Китая и Кореи, так и от подавляющего большинства прочих неевропейских обществ. Особенности, о которых идет речь, были связаны с огромной ролью родоплеменной феодализирующейся знати и более явственной, нежели где либо еще, тенденцией к приватизации, т. е. к возрастанию роли и значения частного владения при слабости власти центра. Эти особенности проявились не сразу. В период Нара их еще почти не было заметно – на переднем плане господствовала всеми признанная и почитаемая китайская модель. Но с IX в. ситуация стала понемногу меняться.

Прежде всего система государственной власти оказалась не столь прочной, как то было в Китае (даже в Корее). Божественный тэнно, как это выяснилось уже в конце VIII в., более царствовал, нежели реально управлял страной. Конфуцианской элиты чиновников-администраторов по китайскому образцу вокруг него не сложилось, как не возникла и система регулярного их воспроизводства с конкурсными экзаменами в качестве ее базы. Это было первое очень важное, даже принципиальное отличие японской модели от китайской, корейской и вьетнамской. Вакуум власти оказался заполненным влиятельным домом Фудзивара, представители которого из поколения в поколение не только наследственно становились регентами-правителями при императорах, но и женили императоров на женщинах своего клана.

Отстроив новый город Хэйян (Киото), опять-таки по китайскому образцу, дом Фудзивара перенес туда центр администрации страны, сделав, таким образом, Хэйян даже не второй, а фактически первой столицей Японии (794 г.). В IX–XI вв. влияние Фудзивара настолько усилилось, что императоры превратились почти в марионеток в их руках. И хотя они, опираясь на часть недовольной этим аристократической знати, пытались время от времени сопротивляться, к успеху это не привело. Напротив, сложился даже некий стереотип двойственной, со временем даже тройственной власти. Как правило, каждый император не слишком долго оставался на троне: взойдя на него в малолетнем возрасте (дом Фудзивара обычно был заинтересован именно в этом), он в годы зрелости отрекался от власти в пользу своего малолетнего наследника и уходил в тот или иной буддийский монастырь, сохраняя при этом за собой определенное влияние на положение дел в стране. Постепенно эта практика стала использоваться некоторыми экс-императорами для того, чтобы создать в своем монастыре альтернативный политический центр, в чем были заинтересованы как соперничавшие с Фудзивара знатные роды, так и влиятельные монастыри. Но, хотя

упомянутые альтернативные центры власти иногда становились достаточно могущественными, сам по себе факт распыления власти между двумя-тремя центрами был в конечном счете на руку именно Фудзивара, чей центр в Хэйяне продолжал в этой ситуации быть главным.

На что опирался этот влиятельный клан в борьбе за власть Дело в том, что при отсутствии налаженной системы воспроизводства чиновников-конфуцианцев система бюрократии по китайскому эталону неизбежно должна была оказаться неэффективной. Неудивительно, что в территориальной администрации Японии посты губернаторов и уездных начальников захватили и почти наследственно удерживали за собой местные знатные дома, вследствие чего централизованная структура приобрела явственные признаки феодальной, в рамках которой каждый сильный владетельный аристократ чувствовал себя хозяином в своей местности. И он не только чувствовал себя хозяином, но и реально был им, ибо в сфере аграрных отношений по все той же причине искусственно созданная по китайскому эталону надельная система с круговой порукой пятков и десятков дворов тоже оказалась несостоятельной: с IX – X вв. государственные наделы стали превращаться фактически в наследственные владения крестьянских семей, а совокупность нескольких деревень (не обязательно соседних) обычно оказывалась владением (сёэн) знатного дома, господствующего в данном уезде. Конечно, часть своих доходов владельцы наследственных сёэн были обязаны посылать в центр – все-таки они формально оставались представителями власти в уезде, но это не мешало такого рода знатным домам чувствовать себя хозяевами уезда. Приблизительно с X в. в Японии вся власть на местах оказалась в руках частновладельческих домов знати, владельцев сёэн разных размеров. Собственно, эту структуру, сложившуюся в качестве альтернативы классической китайской конфуцианской бюрократической администрации, следует считать вторым принципиальным отличием японской модели организации государства и общества. Но и это еще не все.

Процесс приватизации и сложения системы сёэн достаточно болезненно сказывался на крестьянах, которые были обязаны хорошо кормить своих хозяев и к тому же посылать от их имени налоги в центр. Быть может, количественно, с точки зрения нормы эксплуатации, разница была не слишком большой (в конце концов не все ли равно, кормить представителя местной власти, т. е. чиновника, или владельца сёэн). Но зато с точки зрения организации администрации и вообще всей структуры власти она оказалась огромной.

Дело в том, что местные власти иначе относились к крестьянам, да и крестьяне – к властям. Разорение крестьянских хозяйств приводило к восстаниям, ставшим особенно заметными в IX–XI вв., а также к уходу крестьян с насиженных мест. Если в китайской империи такое считалось нежелательным, но, как правило, все же допускалось (не все ли равно в конечном счете, где осядет крестьянин, – лишь бы он платил налоги государству), то для владельцев сёэн все обстояло иначе. Крестьянские хозяйства кормили именно их, т. е. этих владельцев, так что допускать уход крестьян было нельзя. Неудивительно, что в Японии появились меры, направленные на прикрепление крестьян, что опять-таки можно считать косвенным свидетельством феодальных тенденций в обществе. Но и этого мало. В целях борьбы с восставшими и предупреждения от ухода с земли владельцы сёэн стали создавать отряды воинов-дружинников, профессиональных военных, намного более жестко

организованных по сравнению, скажем, с тем, что представляли собой отряды ополченцев и стражников во владениях сильных домов в Китае периода Троецарствия, Нань-бэй чао или даже конца Хань.

С течением времени боевые дружины воинов-профессионалов, в число которых вливались также искавшие покровительства у наиболее знатных и сильных владельцев сёэн мелкие землевладельцы, стали превращаться в замкнутое сословие воинов-самураев (буси). Возник и свято соблюдался кодекс воинской этики, свод норм поведения самурая, включавший в себя прежде всего классическую конфуцианскую идею верности господину, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь, а в случае неудачи или бесчестья покончить с собой (сделать харакири), следуя при этом определенному ритуалу (бусидо). Самураи вскоре превратились в грозное оружие крупных землевладельцев в их ожесточенной междоусобной борьбе за власть. Это привело к тому, что уже с XI–XII вв. Япония начала весьма явственно отличаться от Китая и еще в одном принципиально важном плане: власть имущие и вся система администрации в этой стране опирались не на обычную практически для всех неевропейских обществ чиновную бюрократию либо воинскую прослойку, находившуюся на службе у государства и получавшую за это именно от него плату в форме чаще всего служебных должностных условных наделов, а на находившихся в зависимости от знатных домов рыцарей-самураев, преданных своим господам.

Только что упомянутые и тесно связанные друг с другом, взаимно обусловленные основные отличия японской модели общества и государства от классической конфуцианской китайской многое объясняют в судьбах Японии. Но стоит заметить, что явственный уклон в сторону частнособственнического интереса и феодальной структуры не привел Японию в деструктивное состояние раздробленности и децентрализации, что было бы естественным для иного общества в аналогичной ситуации. Дело в том, что децентрализаторские тенденции в средневековой Японии уравновешивались сильными центростремительными, вследствие чего создавался некий устойчивый и весьма специфический баланс власти. Особенно заметным это стало к концу XII в., когда в ходе ожесточенной борьбы двух виднейших усилившихся домов, Тайра и Минамото, была нарушена прежняя гегемония Фудзивара.

Япония при сёгунах (XII-XIX вв.)

В XII в. власть дома Фудзивара постепенно ослабевала, чему в известной мере способствовало усилившееся противостояние регентов и экс-императоров в монастырях. На фоне этого ослабления все более заметным становилось противостояние двух соперничавших аристократических домов, Тайра и Минамото. Минамото, владевшие на северо-востоке страны наиболее крупным и хорошо организованным войском самураев, каждый из которых имел пожалованный ему господином надел с хорошим доходом и потому был готов сражаться за господина до смерти, в конечном счете одержали победу. В 1192 г. Минамото Ёритомо был объявлен верховным военным правителем страны с титулом сёгун. Ставкой сёгуна и правительства (бакуфу) стал город Камакура.

Подавив сопротивление недовольных, сторонники Минамото конфисковали земли соперников и отдали их в качестве ленных владений своим самураям. Это заметно сказалось на изменении аграрной структуры страны: подавляющей формой земельного владения стало мелкое, самурайское, хотя продолжали существовать и крупные владения знатных домов, прежде всего Минамото, императора и его родни, а также некоторых всесильных вассалов Минамото. Влиятельнейшим из таких вассалов был Ходзё, потомки которого сосредоточили в своих руках всю фактическую власть на протяжении почти столетия, до первой трети XIV в. В частности, именно Ходзё организовали сопротивление монгольским армиям Хубилая, когда они высадились в Японии и когда героическое сопротивление японцев, равно как и разметавший монгольский флот страшный ураган (божественный ветер, камикадзе), заставили монголов уйти восвояси.

С XIII и особенно в XIV в. начинается эпоха расцвета японских городов, а также ремесла и торговли. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, увеличение количества ставок крупных аристократов, при дворах которых жило большое количество самураев и челяди, обслуживавших их лиц, включая ремесленников. Во-вторых, увеличение количества буддийских сект и соответственно различных монастырей, неподалеку от которых часто селился обслуживавший нужды монастыря и паломников персонал, опять-таки включая многочисленных ремесленников и торговцев. В-третьих, появилось и некоторое количество автономно существовавших больших городов, прежде всего портовых, тоже становившихся центрами ремесла, торговли и городской культуры.

На первых порах расцвету портовых городов содействовали японские пираты, возникшие как заметная самостоятельная сила именно в XI–XII вв. Позже, однако, главную роль в их процветании стала играть регулярная торговля с Китаем, Кореей и странами Юго-Восточной Азии. В городах возникли профессиональные корпорации ремесленников и торговцев (дза), а некоторые из них, правда, очень немногие, как, например, Сакаи, Хаката, имели даже определенную автономию и самоуправление. Но самым главным результатом появления городов (в XIV в. их было 40, в XV – 85, а в XVI – уже 269) был заметный рост товарно-денежных отношений, что сыграло немаловажную роль в последующей эволюции структуры японского общества.

Речь идет в первую очередь о самураях. Сословие это с его высокими запросами и весьма в целом невысоким уровнем дохода (его можно сравнить с русским дворянством, скажем, XVII–XVIII вв.) уже в XIII–XIV вв. оказалось в состоянии кризиса. Чтобы поддержать воинскую честь и достойный уровень существования, самурай нередко залезал в долги, а то и вынужден был продавать свой лен. Это вело к разорению его и

его потомков, что было весьма невыгодно для его патрона, а также и для государства (не следует забывать, что большинство самураев было на службе сёгуна, т. е. государства). Следовали один за другим указы, предписывавшие выкупать, а то и просто возвращать самураям их земли. Но процесс шел своим чередом, так что указы мало помогали. Нужны были иные меры, и самураев начали переводить на положение воинов-рыцарей, дружинников, живущих при дворе хозяина и получающих за это жилье, снаряжение и натуральный паек от господина или государства. Соответственно в очередной раз стали меняться и аграрные отношения: все большее количество земли начало концентрироваться в руках крупных феодальных домов, князей-даймё, которые также стали контролировать значительную часть японских городов с их ремеслом и торговлей. Возвышение князей сыграло свою роль в падении сёгунов из дома Минамото и их фактических правителей из дома Ходзё: в результате длительных усобиц верх взял бывший вассал Ходзё Асикага, который в 1335 г. провозгласил себя сёгуном и потомки которого управляли Японией до 1573 г.

Сёгунат Асикага не был периодом мира и процветания. Напротив, усилились феодальные междоусобицы, особенно с начала XV в. Против Асикага восставали то один, то другой из влиятельных домов, а в 1467–1477 гг. разгорелась в стране настоящая война (война годов Онин), в ходе которой укрепили свое положение некоторые даймё, занявшие ключевые позиции в Японии (всего таких домов до начала войны годов Онин насчитывалось 260; многие из них в ходе усобиц погибли). Власть сёгунов практически стала номинальной, а Япония на рубеже XV–XVI вв. практически распалась на несколько частей. В этих условиях почти постоянных войн и сопровождавшей их разрухи усилился экономический кризис. Резко возросло количество крестьянских восстаний, причем к крестьянам теперь нередко примыкали разорившиеся самураи (их низшая прослойка – кокудзин) или странствующие рыцари, самураи-ронины (не имевшие господина), а порой и городская беднота. Все это привело к тому, что в середине XVI в. в Японии, практически не было центрального правительства, ни сёгунского, ни императорского. В этих-то сложных условиях вновь встал нелегкий вопрос об объединении страны.

Реализация этой задачи связана с именами едва ли не наиболее известных исторических деятелей Японии – Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. В обстановке всеобщих усобиц честолюбивый Ода сумел одного за другим одолеть нескольких даймё и в 1573 г. свергнуть последнего сёгуна из дома Асикага. Одним из наиболее ожесточенных противников Ода в этой борьбе оказались буддийские монастыри, что сыграло немалую роль в определении политического курса Ода по отношению к христианству.

Первые христиане появились в Японии в 40-х годах XVI в. вместе с португальскими купцами. Затем в Японию прибыли миссионеры-иезуиты, в том числе знаменитый Франциск Ксавье. Их усилиями христианская религия в крайне выгодных для укоренения на островах Японии условиях ожесточенных междоусобиц стала распространяться довольно быстрыми темпами: уже в 1580 г. в стране было около 150 тыс. христиан, а также 200 церквей и 5 семинарий; к началу XVII в. христиан было около 700 тыс. Этому способствовала, в частности, и политика южных даймё, заинтересованных в португальской торговле и, главное, в обладании огнестрельным оружием, доставка, а затем и производство которого в Японии были налажены именно католиками-португальцами.

В 80-х годах XVI в. Ода овладел уже половиной провинций страны, включая столицу Киото, и провел ряд реформ, направленных на ликвидацию политической и экономической раздробленности, на развитие городов и торговли, но под верховным контролем власти (в частности, в 1568 г. был лишен своей автономии торговый город Сакаи). После убийства Ода в 1582 г. власть попала в руки его помощника Тоётоми Хидэёси, выходца из крестьян. Хидэёси сумел завершить дело объединения страны и даже лелеял мечту расширить свою власть за счет завоеваний на континенте. Неудачи экспедиции в Корею похоронили эти мечты. Однако внутренние реформы дали немалый эффект. Была усилена централизованная власть, укреплен контроль за городами и торговлей, уделено внимание земельной реформе, целью которой было закрепить земли за крестьянами, способными исправно платить налоги в казну государства. В отличие от Ода новый правитель выступил против чрезмерно усилившихся, по его мнению, иезуитов и вообще христиан. В 1587 г. он даже издал было указ об изгнании иностранных миссионеров, португальцев и испанцев, и организовал преследование японцев-христиан, включая уничтожение церквей и издававших церковную литературу типографий. Но успеха это не дало, ибо преследуемые укрывались под надежной защитой принявших христианство мятежных южных даймё. После смерти Тоетоми Хидэёси в 1598 г. власть оказалась в руках одного из его сподвижников Токугава Изясу, который сумел одолеть соперников и в 1603 г. провозгласил себя сёгуном. Началась длительная эпоха нового, третьего по счету после Минамото и Асикага, сёгуната, токугавского, продолжавшегося вплоть до реставрации 1867 г., “Мэйдзи исин”.

В классической формуле “начал, продолжил, завершил”, обычно относимой к оценке деятельности всех трех выдающихся объединителей страны в XVI в., на долю Токугава Иэясу приходится заключительная фаза. Суровой рукой окончательно покорив всех мятежных даймё и объединив страну под своей властью, дом Токугава и прежде всего сам Иэясу приступили к серии реформ, направленных на закрепление успеха. Даймё, которых к тому времени насчитывалось около 200, сохранили некоторые традиционные права, включая суд и административную власть в пределах своего владения, при них остались и их самураи, находившиеся в основном на натуральном довольствии. Однако за это они не только должны были признать авторитет сёгуна, но и в знак этого признания каждый второй год вместе с семьей, челядью и даже частью дружины проводить в специально построенной для этого дворцовой усадьбе в Киото. Это своего рода заложничество сыграло важную роль в укреплении власти центра. Кроме того, дом Токугава позаботился о том, чтобы враждебные ему даймё (посторонние – в отличие от тех, кто был родней или вассалом сёгуна), именовавшиеся тодзама, не проживали компактно, но были бы территориально оторваны друг от друга. Ремесло и торговля в тех городах, где прежде осуществляли свою юрисдикцию даймё, были переданы в подчинение центру вместе с самими городами. Все это значительно подорвало могущество князей и укрепило власть сёгунов, т. е. государства.

Иэясу провел и аграрную реформу, еще раз закрепив крестьян за их землями. Он же строго разграничил сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы) и наладил систему полицейского надзора в стране. Выступив против католической церкви, закрыв порты и вообще изолировав Японию от внешнего мира, Токугава вместе с тем не стоял за строгую и полную изоляцию. Сёгуны, видимо, понимали, что при контролируемых контактах связи с европейцами могут дать стране немало пользы. В частности, среди других европейцев были выделены голландцы: вся шедшая в Японию через посредство

голландских купцов европейская наука и культура (ее именовали голландской наукой, рангакуся), особенно книги, оказывали немалое воздействие на японцев, привыкших перенимать все полезное у других. Известно, что ученые, последователи рангакуся из числа хорошо образованных японцев, уже в XVIII в. активно и вполне осознанно использовали данные европейской науки для совершенствования экономики страны.

Однако изоляция страны не вела к ее быстрому прогрессу. Если в XVII в. реформы и укрепление внутренней стабильности привели к относительному процветанию экономики Японии, то XVIII век принес с собой упадок и начало экономического кризиса. Разлагался лишавшийся необходимого материального содержания корпус самураев, из которых в наихудшем положении были ронины. В критическом положении оказались крестьяне, часть которых вынуждена была идти в города либо включаться в городское хозяйство с помощью системы рассеянной мануфактуры (важный институт, играющий значительную роль и в современной Японии). В упадок пришли и большинство даймё, чьи власть и богатство заметно сокращались. Что касается сёгунов, то их могущество продолжало быть неколебимым, причем немалую роль в этом играло возрожденное и усиленное в его чжусианской форме неоконфуцианство, которое не только было воспринято в качестве официальной идеологии, но и реально оказывало свое воздействие на образ жизни японцев (патернализм, преданность старшим, крепость семьи, культ этической нормы и многое другое).

Кризис токугавского сёгуната стал заметным на рубеже XVIII–XIX вв., но особенно явственным – с 30-х годов XIX в. Ослаблением могущества сёгунов воспользовались прежде всего наиболее крепкие и развитые княжества из числа тодзама южных районов страны, особенно Тёсю и Сацума. Они богатели за счет контрабандной торговли, активно развивали собственную промышленность, включая и военную, причем сёгуны уже ничего с этим поделать не могли. Сильный удар по токугавскому авторитету нанесло насильственное “открытие Японии” США и европейскими державами в середине XIX в. Антииностранное и антисёгунское движение в стране после этого слились воедино, причем центром притяжения всех мятежных сил в стране стал императорский дворец в Киото.

Давно забытый, хотя и всегда всеми заботливо почитавшийся император вдруг превратился в национально-патриотический символ Японии. Императора активно поддерживали князья и самураи из Тёсю и Сацума, из, некоторых других княжеств. За него выступали стекавшиеся к его двору странствующие ронины. Наконец, антисёгунскую коалицию поддержала и заинтересованная в резком изменении политики Японии Англия. Словом, дни сёгуната были сочтены, так что неудивительно, что после короткого сопротивления осенью на рубеже 1868 г. с сёгунатом в истории Японии было покончено. Власть в стране была передана императору, 16-летнему Муцухито (Мэйцзи). Япония вступила в полосу радикальных преобразований, равных которым не знала ни одна из неевропейских стран (за исключением тех, что были заселены колонистами из Европы, как США, Австралия, Канада и т. п.).